В. В. Савельев

Этносоциология: от субъективности к субъектности

Современная трактовка национальной политики отличается от первоначально-постсоветской, содержащейся в соответствующей Концепции 1996 года, не столько по форме, сколько по содержанию. В прежней интерпретации присутствовал двух целевой подход[1]. В сегодняшней цели не только «поменяли» изменили свои места, но и диалектически соединились[2].

Целостность государства приобрела первостепенное значение, а это на языке этносоциологии означает, что в перспективе народонаселение России будет состоять из русских и татарских, чувашских и бурятских россиян. Сегодня (в лучшем случае) российскость и русскость соединяются иначе. Если исходить из самоназваний 18 федеральных национально-культурных автономий, то в России осуществляют свою жизнедеятельность российские немцы, российские цыгане и российские корейцы. Таковыми себя не именуют остальные автономии (украинцы России, татары Российской Федерации, азербайджанцы России, еврейская община России, чуваши России и т.д.).

В ситуации предстоящей кардинальной трансформации отечественного гражданства перед этносоциологией стоит сложнейшая задача: разработать научно обоснованные критерии для субъектного (а не субъективного) определения гражданской и этнической идентичности[3].

Бесспорно то, что росиянин должен обладать российскостью, ядром которой, по моему мнению, является патриотизм. Отличие российского патриотизма от советского весьма значительно. Советский патриотизм носил военно-оборонительный характер и был направлен вовне. Его направленность по линии внутренней государственности, как показали события

---

[1] Прежняя формулировка: во-первых, полноправное социальное и национально-культурное развитие всех народов России, а, во-вторых, упрочение общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания его высшей ценностью.

[2] Современная формулировка: укрепление единства гражданской нации при сохранении этнокультурного многообразия.

[3] Мои эмпирические наблюдения в процессе преподавания теории национальных отношений в РАГСе (где государственные служащие получают второе высшее образование) свидетельствуют о том, что подавляю-щее количество опрашиваемых судят о своей национальности и своем гражданстве по-советски (я «рус-ский», так как отец или оба родителя русские; я «россиянин», так как родился и живу в России). Хотя по-добного рода суждения можно считать объективными, но в сущности они субъективны. А ныне действую-щая Конституция позволяет реципиенту быть субъектным. Однако подлинная субъектность требует высоко-го уровня компетентности, которым сегодня, как я полагаю, не обладают не только реципиенты, но и значи-тельное количество этносоциологов.

августа 1991 года, оказалась нулевой, ибо на защиту государства-партии, коим был Советский Союз, не встали «грудью» не только члены партии, но и партийные функционеры самого высокого ранга.

Российский патриотизм, в условиях утверждения культуры мира и толерантности, можно и должно формировать иначе. На мой взгляд, он включает четыре уровня: семья, родина, этнос и государство. В этой цепочке основополагающим является микроуровень (ибо без родственной поддержки на уровне семьи), отдельный гражданин России может утратить человеческий облик (нынешние бомжи существенно отличаются от советских бичей).

Вершиной в структуре российского патриотизма является мегауровень, именуемый гражданственностью. Он связан с нравственной ответственностью гражданина России за судьбу государства. Подобного рода ответственность возможна тогда, когда человек защищен в этнокультурном отношении. К примеру, русский, при поддержке образовательных и культурно-просветительных институтов, имеет возможность восстановить (прежде растворенную в советскости) свою русскость и быть своим среди своих[4].

Помимо этого, гражданственность требует защищенности на мезоуровне. Мезоуровневый патриотизм это единение человека с тем пространством, в котором осуществляется его формирование. В зависимости от диапазона восприятия, границы родины могут простираться от площади собственного двора, улицы, поселка, города до районных или областных, краевых или иных субъектных масштабов.

[4] «Подавление» этнокультурной самобытности в ходе шоковой терапии, ваучеризации, дефолта и нынешней, нерегулируемой государством, миграции, не только затрудняет, но и исключает этнокультурный патри-отизм, являющийся макропатриотизмом.